

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИИ ИДЕАЛ-Я	11
Фетальное-Я и Идеал-Я	11
Идеал-Я и Сверх-Я	21
Идеал-Я и Я-Идеал	25
Идеал-Я и актуальное-Я	42
Случай: Художник	47
Идеал-Я и Оно	50
СЕМЕЙНАЯ ДИНАМИКА В РАЗВИТИИ ИДЕАЛ-Я	61
Идеализации и разочарования родителей	61
Комплекс Ореста	65
Случай: Иван	81
Комплекс Электры	84
Случай: Марина	99
Идеал-Я и сиблинги	104
КОМПЛЕКС ДЖЕЙН ЭЙР	123
В доме миссис Рид	124
Ловудский приют	138
Поместье Торнфильд	156

Безумие страстей.....	202
На пути к идеалу	219
Успокоение в превосходстве	263
<i>Литература</i>	273

Я благодарна своим близким за неизменную любовь и поддержку в периоды уныния и сомнений.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателей работе представлено развитие одной из основополагающих метафор психоаналитического метода о структуре человеческой психики. Автор исследует конструкт Идеал-Я, впервые сформулированный Фрейдом как составляющая другой психической структуры — Сверх-Я. В последующих работах психоаналитиков произошла достаточно отчетливая дифференциация этих структур, которая, однако, не была в должной мере обозначена. Данное исследование призвано восполнить этот пробел и осуществить системное исследование развития и формирования психической структуры Идеал-Я в рамках классической психоаналитической методологии, подразумевающей рассмотрение феномена со структурной, экономической, динамической и топической точек зрения.

Автор, привлекая к анализу и интегрируя в единое, внутренне непротиворечивое повествование опыт психоаналитиков разных школ, попутно знакомя нас с идеями пока ещё неизведанной для российских читателей аргентинской школы психоанализа, обращается к исследованиям пренатального опыта, описывает связь человека и его тела через неосознаваемую магию взаимоотношений универсума матери и дитя, а затем идет дальше — к участию в формировании Идеал-Я всех фигур семейной системы, включая не только мать и отца, но и сиблингов. Здесь О. Н. Толкачёва делает попытку привлечь внимание к структурирующей психику роли братьев и сестер,

значимость которых часто недооценивается в психоаналитических теориях развития, центрированных преимущественно на вертикальных связях между детьми и родителями.

Следуя психоаналитической традиции иллюстрировать теоретические изыскания продуктами культуры, автор переосмысляет истории мифических персонажей — Эдипа, Агамемнона, Клитемнестры, Кассандры, Ореста и Электры, которые предстают перед нами не только как преступники, нарушающие запрет, но и как героини, стремящиеся к воплощению идеалов. Анализ мифов дополняется иллюстрациями случаев из практики, изложенных в форме терапевтических новелл.

Большую часть книги занимает психоанализ главной героини романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Автор шаг за шагом следует за Джейн, предлагая взглянуть на скитания и жизненные перипетии героини через психоаналитическую оптику. Заимствуя форму прикладного анализа художественного произведения, по сути автор предлагает нам описание клинического случая так, будто Джейн рассказала свою историю, лежа на кушетке психоаналитика. Эта часть работы содержит размышления об актуальных проблемах современной терапевтической практики: нарушения пищевого поведения и дромомания у подростков, ядерная структура пограничных расстройств, патологические симбиотические связи и нарушения индивидуации, фиксация на ложной идеализированной самости и нарциссический отказ признавать и оплакивать утраты. Так история Джейн Эйр становится собирательным образом, комплексом, архетипом, контейнером смыслов, в гранях которого каждый читатель увидит свое отражение. Но, безусловно, сильнее всего история Джейн Эйр откликнется у женской аудитории. Отчаянная потребность в любви и непреодолимая неспособность принять любовь

ПРЕДИСЛОВИЕ

составляет основное содержание этого комплекса и окажется знакомой многим читательницам, чьи усилия по поиску хорошего объекта во внешнем мире разбиваются о внутреннюю невозможность этот объект усвоить.

Наконец, стоит отметить стиль и художественную ценность книги, которая не дает читателю расслабиться и погрузиться в простое поглощение текста, а приглашает и провоцирует на размышления и внутренний диалог. Разрабатываемые в книге идеи написаны хорошим литературным языком и демонстрируют эстетику психоаналитического исследования.

***Елена Дмитриевна Сидоренко**, специалист и обучающий психоаналитик Европейской конфедерации психоаналитической психотерапии (ЕСРР), член Самарской психоаналитической группы специалистов (СПаГС) и Самарского балинтовского общества (СРОО СБО), директор Автономной некоммерческой организации «Объединение практикующих психологов СТУДИЯ «ПСИХЕЯ»».*

Они не мертвы, как покойники, а подобны теням Одиссеи, которые, напившись крови, пробуждаются к жизни.

З. Фрейд. Толкование сновидений

ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИИ ИДЕАЛ-Я

Фетальное-Я и Идеал-Я

Начнем исследование с формулирования гипотезы об условиях формирования, развития, а также функциях структуры Идеал-Я. Мы будем опираться на психоаналитические теории Зигмунда Фрейда о структурном и экономическом развитии психического аппарата, культурологические исследования Отто Ранка, теорию самости Хайнца Когута и некоторые идеи объектных теоретиков относительно роли ранних объектов привязанности в формировании и развитии психических структур. Многие представленные в этой работе размышления относительно структуры Идеал-Я были вдохновлены работами аргентинских психоаналитиков — Арналдо Расковски, Фидиаса Сесио, Альберто Лоски и других.

Одним из предметов психоаналитических исследований является психический аппарат, его формирование, развитие и функционирование. Психический аппарат — это разработанная Фрейдом модель психического. Идеи

Фрейда относительно развития, строения и функционирования психического аппарата составляют психоаналитическую метапсихологию. В моем понимании, так же как термин «организм» не описывает полностью человека, так и термин «психический аппарат» не описывает всю область психического, а лишь структурно организованное психическое. Главным условием организации психических элементов в структуры является культура в самом широком смысле этого слова.

Ллойд Демоз совершает обзор пренатальных исследований, доказывающих существование фетальной психики на том основании, что формирование у плода головного мозга, нервной системы и сенсорного аппарата начинается в первый же месяц после зачатия. «К концу первого триместра (первые три месяца) нервная система и сенсорный аппарат развиты уже настолько хорошо, что плод реагирует на прикосновение легким волоском к ладони тем, что схватывает его, на прикосновение к губам — сосанием, в ответ на прикосновение к векам прищуривается. Врачи, производящие в это время амниоцентезис — исследование амниотической жидкости, могут иногда наблюдать, как плод прыгает, и сердцебиение учащается, когда игла касается его тела. Зрение настолько хорошо развито, что сердцебиение учащается, когда на живот матери светят ярким светом, а при введении врачом ярко светящегося фетоскопа плод часто отворачивает лицо от света. Вкус развивается к четырнадцати неделям, и с этого времени плод чувствителен к состоянию амниотической жидкости. Слух в первый триместр развит даже ещё лучше: плод становится активнее, и частота сердцебиения возрастает, когда возле живота матери производится громкий звук, а в многочисленных экспериментах показано настоящее научение плода на основе звуковых стимулов».

Демоз развенчивает не только устойчивое и очевидно защитное представление об отсутствии у плода психического, но и представление о безобъектности и безмятежности внутриутробной жизни. В работе «Травма рождения» Ранк описывает бессознательные страх и желание вернуться во внутриутробное состояние, представляющееся потерянным раем. Демоз на основе клинических наблюдений делает вывод, что «психическая жизнь плода на самом деле начинается с активных взаимоотношений с одним жизненно важным объектом: плацентой. Все существование плода зависит от плаценты, питающей и постоянно очищающей его кровь, а на любое ослабление функции плаценты плод реагирует явным гневом, что проявляется в порывистых движениях и учащенном сердцебиении. Можно наблюдать, как плод снова и снова на протяжении ранних этапов фетальной жизни проходит через циклы спокойной активности, мучительной гипоксии, периода метания, а затем возврата к спокойному состоянию, когда плацента вновь начинает накачивать ярко-красную обогащенную кислородом кровь... питающая плацента становится постепенно самым первым объектом фетальной психической жизни, а регулярные перерывы в этих жизненно важных взаимоотношениях вызывают у плода самые первые ощущения тревоги».

Демоз предлагает модель фетальной психики, описывающую объектное взаимодействие фетального-Я с Питающей и Ядовитой Плацентой как прототипами пост-натальной «хорошей» и «плохой» груди в теории Мелани Кляйн. Взаимодействие с Питающей Плацентой, поставляющей обогащенную кислородом кровь и нейтрализующей отходы жизнедеятельности плода, является прототипом будущих функций холдинга и контейнирования, которые осуществляет мать во время ухода за младенцем, а взаимодействие с Ядовитой Плацентой составляет прототипическое

содержание всех постнатальных кастрационных тревог. Можно добавить, что внутриутробная ситуация предшествует описанной Кляйн параноидно-шизоидной позиции, когда плод преследуется убийственной Ядовитой Плацентой без возможности установить связь с «достаточно хорошим» объектом и выйти на депрессивную позицию, поскольку плацента объективно с каждым днем справляется со своей функцией все хуже и хуже, и плод постепенно оказывается во все более невыносимых условиях, кульминацией и разрядкой которых становится акт рождения и выход из матки.

Относительно мирными можно назвать только первые несколько недель беременности, «когда амниотическая полость ещё довольно просторна для плода, он то спокойно в ней плавает, то отчаянно брыкается, кувыркается, икает, вздыхает, мочится, глотает амниотическую жидкость и мочу, сосет пальцы рук и ног, хватает пуповину, возбуждается при внезапном шуме, успокаивается, когда мать говорит спокойно, и засыпает, убаюканный, если она ходит», — сообщает Демоз.

По мере увеличения потребностей плода и ускорения дегенеративных процессов в плаценте внутриутробная ситуация становится все более напряженной. В последний месяц беременности плод существует в условиях чрезвычайной тесноты, отравления отходами собственной жизнедеятельности и гипоксии, против которых младенец протестует толчками и брыканием. Как пишет Демоз: «Если бы матка была заполнена не водой, а воздухом... можно было бы слышать, как плод значительную часть времени кричит в матке». Рождение и выход из матки, несмотря на чрезвычайный стресс и ещё большее удушье в процессе, в действительности является освобождением. Ребенок получает первую автономию в виде способности к дыханию, которое теперь

не зависит от объекта. В постнатальной жизни именно дыхание выполняет функцию первого «хорошего» объекта, формируя его интроецированное имаго и закладывая ядро безобъектного нарциссизма.

В лице матери ребенок имеет шанс обнаружить более устойчивый и постоянный «хороший» объект, нежели в плаценте. Сразу после появления на свет младенец оказывается переполнен составляющими влечение смерти репрезентациями тревог (гипоксия, давление на голову и тело, первый обжигающий контакт с кислородом) и нуждается в нейтрализующих либидинальных инвестициях (дыхание, убаюкивание, тепло, питание). Пренатальные циклы взаимодействия с Питающей и Ядовитой Плацентой ещё будут продолжаться для младенца некоторое время как взаимодействие с «хорошей» и «плохой» грудью, пока ребенок не обретет достаточную автономию и способность к установлению связи с постоянным, «достаточно хорошим» объектом, что невозможно без встречных усилий и качественной заботы со стороны объекта.

Таким образом, в модели Демоза фетальное-Я развивается из сенсомоторной активности плода и во взаимодействии с плацентой как первым инвестирующим и фрустрирующим объектом, обеспечивающим загрузку фетальной психики протофантазиями либидинального (Питающая Плацента) и кастрационного (Ядовитая Плацента) содержания, являющимися первоисточниками постнатальной экономики психического аппарата.

А. Расковски сформулировал свою модель фетальной психики на основе постулата о существовании филогенетических, переданных по наследству объектах, во взаимодействии с которыми развивается фетальное-Я. Здесь Расковски следует идеям Фрейда о филогенетическом наследии Оно. На мой взгляд, плацента представляется более достоверным

объектом фетального-Я, чем ненаблюдаемые филогенетические объекты. Остальные же рассуждения Расковски относительно развития фетального-Я кажутся достаточно убедительными.

Расковски предполагает, что фетальные протофантазии имеют характер двумерных образов, лишенных пространственного-временного измерения. Эти образы будут подвергнуты первичному подавлению в акте рождения и составят наиболее архаичное содержание Оно. В фетальной психике разделения на структуры, Оно и Я, пока ещё не существует, как нет разделения на Я и объект. Это разделение впервые появится только после рождения, первичного подавления двумерных протофантазий и организации связи с трехмерными объектами внешнего мира. По мнению Расковски, подавление осуществляется как реакция на интенсивную тревогу, вызванную травмой рождения. Это первичное подавление является препятствием для осознания содержаний фетальной психики, а травматический опыт рождения будет актуализироваться в постнатальной жизни как паттерн *непосредственно перед* ситуациями угрозы в виде переживания жуткого или дурных предчувствий.

Модель Расковски предполагает первичное структурирование психики после рождения и подавление фетального опыта в наиболее архаичные слои Оно. Эти архаичные протофантазии недоступны для осознания и воспоминаний, поскольку не имеют характерных для постнатальной жизни психических репрезентаций. Фетальные протофантазии могут вернуться и получить жизнь только в форме актуальных переживаний. Этот феномен в дальнейшем будет рассматриваться нами в рамках обсуждения механизмов актуализации бессознательных фантазий. Расковски также отмечает, что процесс рождения сопряжен с загрузкой психики плода влечениями

смерти, а установление связей с внешними объектами призвано мобилизовать влечения жизни и нейтрализовать влечения смерти. Дальнейшее развитие постнатальной психики осуществляется средствами механизмов проекции и интроекции как форм связи с внешними объектами, паттерны взаимодействия с которыми инкорпорируются в постнатальную психику и организуют психические элементы в структуры.

Для дальнейших рассуждений нам необходимо ввести различие актуальных и идеальных объектов. Для фетального-Я плацента является актуальным объектом, а мать — идеальным, воображаемым объектом, к которому фетальное-Я не имеет прямого доступа, а лишь опосредованно, через поступающие из внешнего мира акустические стимулы (сердцебиение матери, её голос и звуки других объектов). Мать становится для ребенка актуальным объектом только после рождения. То же самое можно сказать о восприятии плода матерью. Мать вынашивает ребенка как идеальный объект своих фантазий, актуальным объектом ребенок становится для матери только после рождения. Встрече матери и ребенка как двух актуальных трехмерных объектов со своей личной историей предшествует период времени, наполненный двумерными фантазиями, идеями друг о друге. Для матери этот период может длиться дольше, чем для плода, ведь она может начать фантазировать о ребенке задолго до зачатия. Во время беременности инвестиции плаценты составляют экономику фетального-Я, а фантазии матери о ребенке, её идеи о ребенке составляют будущую экономику его Идеал-Я. Мать вынашивает ребенка как актуальный объект в своем теле и как идеальный объект в своей психике.

Содержание этих фантазий может быть самым разнообразным, но они непременно будут включать опыт

взаимодействия женщины со своей матерью, отчасти репрезентированный собственным телом — телом матери. Беременность актуализирует множество бессознательных фантазий женщины, с которыми она до этого могла не вступать в контакт. Эти фантазии могут быть пугающими и обнадеживающими одновременно. Поскольку плод развивается внутри тела матери, среди других её органов, неизбежными являются фантазии о том, что ребенок является частью тела или органом матери, и здесь многое будет зависеть от того, в каких отношениях женщина находится с собственной телесностью, воспринимает ли она свое тело как пространство, заслуживающее доверия, способное быть надежным контейнером для тревог и образов будущего ребенка. Или же, напротив, собственное тело оказывается пространством деструктивных проекций ранних отношений с матерью, в которых актуальный плод и образ будущего ребенка играют роль вторгающегося, опасного, пугающего, навязчивого и непредсказуемого объекта. Значимой будет также диспозиция идеализированных фантазий о беременности и ребенке и актуальных переживаний: насколько благоприятно протекает беременность, возникают ли осложнения и нарушения в развитии плода, достаточно ли женщина получает поддержки и т. д.

Другой аспект фантазий матери касается её идеализированных представлений об образе будущего ребенка, которые преимущественно исходят из Идеал-Я самой матери, составляя первичные и жизненно важные психические инвестиции в развитие ребенка. Эти фантазии включают представления об идеальном ребенке и идеальной матери, большая часть этих содержаний также отсылает к опыту взаимодействия с собственной матерью и её представлениям об идеальном ребенке и идеальной матери. Соотношение тревожных и ассоциированных с удовольствием фан-

тазий матери о будущем ребенке определяет валентность будущего Идеал-Я, функцией которого является обеспечение первичного нарциссизма ребенка, своего рода «материнский капитал». Преобладание у матери деструктивных фантазий обеспечивает загрузку будущего Идеал-Я ребенка репрезентациями влечения смерти. Преобладание либидинальных, ассоциированных с удовольствием фантазий обеспечивает загрузку Идеал-Я репрезентациями влечения жизни. Кроме того, либидинальные идеализации будущего ребенка, самого процесса беременности и образа себя в качестве матери позволяют женщине легче переносить процессы беременности, родов и последующего материнства, сложности которых зачастую недооцениваются даже профессионалами. Матерям вменяется в обязанность исполнять множество сложнейших, требующих огромного запаса либидинальных инвестиций функций, но мало кто задумывается о том, откуда должны изыматься необходимые для продолжения жизни влечения. Если у женщины нет нейтрализующих её тревоги и инвестирующих либидинальными репрезентациями объектов, Идеал-Я ребенка претерпевает загрузку репрезентациями тревог матери, которые и составят содержание первичного нарциссизма ребенка.

Итак, можно сделать следующий вывод: ситуация рождения сопряжена с первичным структурированием психики на архаичное Оно, содержанием которого является фетальный опыт, актуальное-Я, развивающееся во взаимодействии с актуальными объектами трехмерной реальности, и первичный Идеал-Я, содержание которого составляют материнские фантазии.

Фрейд в работе «Я и Оно» пишет: «Я-идеал имеет самую тесную связь с тем, что было приобретено индивидом в филогенезе, его архаическом наследии... Наследственное Оно заключает в себе остатки бесчисленных существований

Я, и когда Я черпает свое Сверх-Я из Оно, оно, пожалуй, лишь вновь обнаруживает более давние формы Я, их воскрешая». Составляющие Идеал-Я репрезентации предков — матери и отца, дедушек и бабушек — действительно являются филогенетическими объектами, здесь я готова следовать мысли Фрейда и согласиться с Расковски, мое расхождение с последним заключается лишь в осмыслении способов и времени передачи актуальному-Я этих объектов. Аргентинские аналитики постулируют *пре-натальную передачу* содержаний Идеал-Я. Обнаружение филогенетических корней Идеал-Я как хранилища образов предков, мертвых предков, позволило Фидиасу Сесио утверждать, что филогенетическое наследие делает Идеал-Я хранилищем колоссального запаса либидо, но вместе с тем именно в нем берет свои истоки влечение смерти, репрезентированное архетипическим образом Мертвеца. Я же полагаю, что содержания Идеал-Я имеют *онтогенетическое происхождение* в том смысле, что они становятся доступны актуальному-Я ребенка только после рождения посредством идентификации с фантазиями, идеями значимых объектов привязанности.

Когда ребенок появляется на свет, родители вступают во взаимодействие с ним как с актуальным объектом, обладающим личной историей, и этот актуальный объект может во многих отношениях соответствовать или не соответствовать их идеям о ребенке и родительстве в целом. Начинается одна из важных задач родительства — постепенная, неторопливая работа разочарования, освобождения от чар идеала, чтобы у ребенка появилась возможность состояться не в качестве объекта актуализации образов предков, мертвецов, а в качестве индивидуальности со своей собственной человеческой историей.

Идеал-Я и Сверх-Я

Мне бы хотелось предложить некоторые размышления относительно различий процедуры кастрации и работы разочарования. В психологическом смысле процедура кастрации подразумевает утрату частичного, выполняющего противовозбуждающую функцию, объекта. Противовозбуждающая функция позволяет связывать и нейтрализовать психические возбуждения, которые, преодолевая определенный количественный порог, приобретают разрушительный характер.

Типичными вариантами кастрации считаются ситуации отнятия от груди, приучения к горшку и другие элементы тренинга, а также запрет на инцестуозные действия. Процедура кастрации сопровождается обретением на месте утраченного частичного объекта предметного или символического субститута — ложка вместо материнской груди, горшок вместо спонтанного опорожнения, игрушки и вербально-знаковое общение вместо эrogenных ласк. Каждая процедура кастрации представляет собой опыт утраты и предполагает осуществление работы горя. Ребенок утрачивает не только частичный объект как привычный для себя источник противовозбуждения и удовольствия, но и часть тех omnipotentных фантазий, которые наполняли его фетальный Идеал-Я, когда ребенок был чистой потенцией, абсолютным идеалом. Родители будут проводить ребенка через процедуры кастрации, утраты и разочарования в соответствии со своим опытом и фантазиями на эти темы. Представляется благоприятной ситуация, когда родители понимают и принимают право ребенка на гнев и оплакивание утраты, когда они не только устанавливают запрет или совершают подмену (что ведет не к кастрации, а к удвоению) объектов, а стараются сопровождать утрату частичного

объекта очарованием новых объектов, поначалу несколько идеализируя их.

Так, при переходе от грудного вскармливания мать улыбками и интонациями голоса поощряет ребенка пробовать новую пищу и изучает его вкусы, чтобы новая еда приносила ему удовольствие. Ограничение телесного контакта с растущим ребенком, например, когда ребенка приучают самостоятельно мыться, одеваться, спать отдельно, не прикасаться к определенным частям тела матери и отца, компенсируется приносящим удовольствие, «ласкающим» вербальным контактом. Если родители обсуждают с ребенком его страхи, фантазии и желания, терпеливо отвечают на его вопросы и с искренним интересом выслушивают, моторика как путь разрядки влечений постепенно замещается речью. Таким образом родители нивелируют, насколько это возможно, травмирующий потенциал кастрации, помогая ребенку либидинально инвестировать смену актуальных объектов и свое Я в этом движении. Ребенок овладевает работой горя и работой разочарования, чтобы не отворачиваться от актуальной реальности, а либидинально инвестировать ее.

Что происходит, когда родители практикуют не столь «очаровательные» процедуры кастрации, а приучают ребенка к «принципу реальности», имея в виду, разумеется, свой, чаще всего полный тревог и фрустраций, взгляд на «реальность», на то, что хорошо и должно? Как мне кажется, в этом случае ребенок усваивает представления о тревожных, садистичных объектах и опасной реальности, которая безнадежно разочаровывает и во всем проигрывает утраченной идеальной реальности. Процедура кастрации приобретает либо характер травмы, оставляющей вместо утраченного объекта рану, дыру, помечающей беспомощность субъекта перед жестокостью другого,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru